

УДК 811.161.1'37

Муратова Е.Ю.

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

ДИСКУРСИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

H. Mouratova

Masherov Vitebsk State University

THE DISCOURSE COMPONENT OF THE POETIC TEXT

Аннотация. Статья посвящена специфике дискурсивного анализа поэтического текста. Рассматривается история развития теории дискурса, приводится существующий диапазон определений дискурса и преобладающие научные концепции в дискурсивных исследованиях в настоящее время. Утверждается, что дискурсивное исследование поэтических текстов предполагает изучение не только собственно языка поэтических произведений, но также широкого культурного, этнического, исторического, лично-авторского контекста в целях объективной и адекватной интерпретации поэтического текста. Дискурсивные связи в поэтическом тексте проявляются за счёт координации трёх основных систем: текст-личность, текст-социум, текст-время. В статье доказывается, что новые художественные смыслы возникают при сопоставлении текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений как отдельного автора, так и определённого социума в целом.

Ключевые слова: поэтический текст, дискурсивные связи, лингво-культурный социум, экстралингвистические факторы.

Abstract. The article is devoted to the specificities of poetic text discourse analysis. Reviewing the development of discourse theory, the author provides the whole range of existing definitions of discourse and the predominant modern scientific concepts. Poetic text discourse analysis is claimed to presuppose the research of poetic text linguistics, as well as studies of wide cultural, ethnic, historic, and author's personal context in order to interpret poetic work objectively and adequately. Discursive connections of a poetic text appear due to the coordination of the following systems: text-individual, text-society, text-time. New artistic meanings appear when comparing the text and the intricate set of life and ideological-esthetical conceptions of both a certain writer and a specified society.

Key words: a poetic text, discourse, discursive connections, linguo-cultural society, extralinguistic factors.

Одним из первых понятие дискурса ввёл в научный обиход бельгийский лингвист Э. Бюиссанс [6], который включил в сосюрсовское противопоставление *язык – речь* (*langue – parole*) новый член: *язык – дискурс – речь*, где *langue* – система, некая отвлечённая умственная конструкция, а *discours* – комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка. Единственным актуальным предметом исследования языка в семиологическом аспекте автор считал *discours*.

В 60-е годы во Франции благодаря работам Э. Бенвениста [1] и отчасти Р. Якобсона [5] возникает теория высказывания. Дальнейшее развитие теории дискурса происходило во Франции в русле анализа дискурса. Анализ дискурса – междисциплинарная область знания, возникшая во Франции в 60-е годы в первую очередь как теория и методология анализа

сверхтекстовых смысловых образований (М. Пеше, М. Фуко, П. Серио и др.).

Поэтическое произведение представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы, устанавливающие связь между реальным окружающим миром и языковой личностью. М. Мамардашвили справедливо пишет: «Текст есть то, что соединяет, – в действительности написание литературного текста не есть занятие, отдельное от жизни» [3, с. 27]. Текст «впитывает» в себя смыслы, существующие вне его, и эти смыслы особым образом влияют на все уровни текстовой информации. В результате новое образование отличается от текста как такового, и это образование определяется как дискурс.

При рассмотрении дискурса в его отношении к тексту представляется наиболее убедительной (и адекватной французским истокам определения этого понятия) точка зрения на дискурс как на сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы, устанавливающие связь между миром и языковой личностью. Как писал Б.В. Томашевский, «произведение создаёт не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты» [4, с. 152].

Поэтическое произведение наиболее полно отражает слияние собственно текста, с одной стороны, и авторских интенций, биографических элементов, мировоззренческих установок автора – с другой, т. е. в нём в первую очередь проявляется координация двух систем: текст – личность. Системы «текст» и «личность» коррелируют друг с другом, в результате чего появляются новые смыслы, отражающие экстралингвистические феномены.

Вот, например, как с горькой иронией передаёт реалии современной жизни И. Кабыш: *И судьба у нас теперь бобыля: / на безрыбьи в дебрях чернобыля / жить да радиацию пожевывать...* Реальная жизнь может «прорываться» в стихи и иначе: повседневно

ными мелочами, не бытийностью, а именно своей будничностью, которая, может быть, и есть самая главная в своей простоте правда жизни, которая, возможно, для современного поколения является нашей «неизвестной» историей. Своё школьное детство Инна Кабыш вспоминает так: *Это моя образцовая школа / с вечнобеременными училками, / с нищенством классов и холодом холла, / режью звонков и немывыми вилками. Или: Родина – степь да степь, / мат-перемат с детсада. / Очередь – это в цепь / вытянутое стадо. / Дай хоть чего-нибудь, / Господи, / мыла, хлеба!... / Родина – это путь / от СССР до неба. Привычные для определённого времени ситуации могут получать у неё философское освещение: *Объявлен днесь ударный сбор – / народ / несёт макулатуру. / Пересекая школьный двор, / иду / судить / литературу.**

Рассмотрим механизм появления новых смыслов на следующем примере из лирики Е. Евтушенко: *Танки идут по Праге / в закатной крови рассвета. / Танки идут по правде, / которая не газета. / Танки идут по соблазнам / жить не во власти штампов. / Танки идут по солдатам, / сидящим внутри этих танков... Чем же мне жить, как прежде, / если, как будто рубанки, / танки идут по надежде, / что это – родные танки? / Прежде, чем я подохну, / как – мне не важно – прозван, / я обращаюсь к потомку / только с единственной просьбой. / Пусть надо мной – без рыданий – / просто напишут, по правде: / «Русский писатель. Раздавлен / русскими танками в Праге».*

Данный текст несёт в себе информацию о реальных событиях: подавление советскими войсками восстания в Праге в августе 1968 года. Центром смыслопорождения является лексема *идти*. Стабильное содержание высказывания, своеобразная «точка отсчёта» представлена первой строкой: *Танки идут по Праге*, в которой глагол *идти* употреблён в своём основном словарном значении. Но уже вторая часть предложения в *закатной крови рассвета* указывает на тяжесть предстоящего рассвета (*закатная кровь*). Далее наблюдается когерентное взаимодействие

сочетания *танки идут* с иными лексемами текста: *танки идут по правде, по соблазнам, по надежде*. В результате такой связи глагола физического действия и абстрактных существительных происходит дематериализация глагола *идти*, у которого проявляются совершенно новые смыслы, не связанные с физическим действием. Важным смыслообразующим сегментом в контексте является причастный оборот: *танки идут по солдатам* – возможная реальность действительности, но выражение *...по солдатам, сидящим внутри этих танков* рождает иной, бытийный смысл в ином, трансмерном пространстве мышления. Сочетание *родные танки* также представляет собой сложную смысловую структуру и «высвечивает» смысл стыда за свою Родину. Здесь весьма значим повтор прилагательного *русский*, который актуализирует дополнительный смысл трагизма ситуации: сам русский и раздавлен русскими танками. Но главной смысловой зоной в последних строках является лексема *раздавить*. Если «вырвать» строки *Русский писатель. Раздавлен русскими танками в Праге* из контекста всего стихотворения, то убедимся, что глагол *раздавлен* функционирует в своём прямом словарном значении (человек может погибнуть, раздавленный танком). Но основное трансцендентное содержание эксплицируется его переносным значением – унижен, морально уничтожен, подавлен и одновременно возмущён русскими танками в Праге, и не только автор, но все свободномыслящие люди России.

Все вышесказанное доказывает, на наш взгляд, что «материальный мир... пропускается через мир творящего сознания» [2, с. 29], и в конечном итоге эти миры реализуются в поэтическом тексте – феномене кристаллизации личности творца и времени его творения.

Особую роль в поэтическом тексте играют дискурсивные элементы, совершенно неизвестные иным социумам. Например, у Б. Ахмадулиной: *Верней, лучинушки-лучины / не добыла, в сарай вошед... / Немногого недо-*

ставало, / чтоб стала жизнь моя красна, веретено моё сновало, / свисала до полу коса. / А там, в рубахе кумачовой, а там, у белого куста... / Ни-ни! Брусникою мочёной / прилежно заняты уста. Восприятие художественного текста носителем иной культуры имеет свои особенности и требует специального анализа, в частности – дискурсивного, который предполагает в подобном случае исследование текста как процесса совмещения фрагментов своей и чужой культуры. Разность интерпретации художественного текста при межнациональном текстовом общении связана в первую очередь с несопадением комплекса знаний носителей разных общностей (разность кругозора в области национальной и мировой культуры, сведения о прошлом своего народа и т. п.). Это касается разных сторон жизни нации, отражённых в тексте. Например, у Б. Ахмадулиной: *Дочь и внучка московских дворов, / объявляю: мой срок не окончен. / Посреди сорока сороков не иссякла душа-колокольчик. / О, запёкшийся в сердце моём / и зазубренный мной без запинки / белокаменный свиток имён / Маросейки, Варварки, Ордынки!* Или: *Когда о купол золотой / луч разобьётся предрассветный / и лето входит в Летний сад, / каких наград, каких услад / иных / просить у жизни этой? Маросейка, Варварка, Ордынка, Летний сад* рождают многочисленные ассоциации и глубинные смыслы у читателя конкретного (в данном случае – русского) социума.

Таким образом, текст, созданный автором в некоторой культуре, воспроизводит речевые и эмотивные характеристики, типы поведения, восприятие жизни, характерные для носителей данной лингвокультурной общности, т. е. в нём проявляется координация систем *текст – социум*.

Дискурсивное исследование поэтических текстов позволяет находить в них те смыслы, которые могут появляться в процессе существования текста в «большом времени», поскольку, по мысли М. Бахтина, каждое произведение искусства ведёт диалог и с голосами из прошлого, и обогащается новыми

смыслами в будущем своём существовании, т. е. новые реалии жизни порождают новые смыслы текста.

Стихотворение В.В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» начинается следующими строками: *Били копыта, / Пели будто: / – Гриб. / Грабь. / Гроб. / Груб. – / Ветром опита, / льдом обута / улица скользила.* Повтор *гриб, грабь, гроб, груб* сразу «нагнетает» атмосферу стихотворения на ритмическом, фонетическом, синтаксическом и лексическом уровнях, психологически готовя читателя к восприятию последующей описываемой ситуации. Если лексемы *грабь, гроб, груб* по своему лексическому значению отвечают контексту стихотворения, то лексема *гриб* (нижнее растение, не образующее цветков и семян и размножающееся спорами), на наш взгляд, «вписывается» в него лишь на ритмическом уровне. В наше время у читателя может возникнуть (или не возникнуть) ассоциация со взрывом атомной бомбы, но у современников В.В. Маяковского такой ассоциативной связи быть не могло.

Таким образом, дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы, устанавливающие связь между миром и языковой личностью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Волков О.В. Художественный текст и символика авторских проекций (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. / Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М., 1999. – С. 29–41.
3. Мамардашвили М. Эстетика мышления. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 205 с.
4. Томашевский Б.В. Писатель и книга. Очерк текстологии. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1959. – 279 с.
5. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б.А. Успенский. – М., 1972. – С. 95–113.
6. Buysens E. Les Langages et le discours, essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie / E. Buysens. / Bruxelles: Office de publicité, 1943. – 99p. м